

Культура-2002-
26 дек. - с. 14

Первая реликвия

У "Спаса Нерукотворного" был автор

Как совершить серьезное историческое открытие? Судя по творчеству писателя Кима БАКШИ, для этого достаточно искренне любить то, чем занимаешься. Десятилетия он отдал исследованию и изучению истории Армении — прошлой и современной. Этой стране посвящены четыре его книги: "Орел и меч", "Судьба и камень", "Воскрешение святого Лазаря", "Из монастыря — о любви" — и двадцатисерийный документальный фильм "Матенадаран" — о сокровищах армянской культуры, разбросанных по всему миру; премьера последних двух серий прошла на днях в Доме кино. И попутно, между главными делами — созданием книг и сценариев — писатель, вполне возможно, обнаружил прижизненный портрет Христа. Для открытия потребовалось лишь перечитать в очередной раз Мовсеса Хоренаци (а многие ли вообще о нем слышали?).

— Ким Наумович, расскажите, как вы вышли на эту тему.

— Все произошло совершенно случайно. Однажды, перечитывая, уж не знаю, в который раз "Историю Армении" автора V века Мовсеса Хоренаци, я обратил внимание на такое любопытное место. Хоренаци рассказывает, как в I веке н. э. Авгар, царь Осроэны, маленького государства, пограничного с Персией и римскими владениями, послал дипломатическую миссию к римскому наместнику в Палестине с заверениями в своей преданности. Обратный путь делегации лежал через Иерусалим, и внимание посланцев было привлечено толпами людей, которые стекались в город, толкая о чудесах какого-то лекаря. Царские дипломаты провели в Иерусалиме несколько дней, причем у Хоренаци совершенно точно указано: такого-то числа они выехали, такого-то приехали, столько-то там пробыли. Они видели Иисуса Христа, слышали рассказы об исцелениях — а вы заметьте, что подавляющее большинство чудес, которые совершил Христос, — это исцеления. Хожения по водам и тому подобные вещи на самом деле составляют очень малый процент его деяний.

По возвращении личный секретарь Авгара Анан прочел царю свои путевые заметки, в том числе и о посещении Иерусалима. И тогда царь, который был болен — его даже прозвали Уккама, то есть Черный, видимо, он страдал какой-то кожной болезнью, — написал письмо Иисусу Христу с приглашением прибыть в Эдессу, столицу Осроэны, и излечить его. Анан отправился обратно в Иерусалим и встретился с Христом. Хоренаци приводит тексты царского письма и продиктованного Христом ответа, записанного одним из апостолов. Христос отказался от поездки, потому что, по его словам, должен был совершить дело, ради которого был послан, но обещал отправить в Эдессу своего ученика. Тот исцелит царя и весь народ. Имеется в виду — светом христианской веры.

Я обнаружил, что факт обмена такими посланиями засвидетельствован не только у Хоренаци. За сто примерно лет до него Евсевий Памфил, епископ Кесарии, в "Церковной истории", которая является основным источником наших знаний о раннем христианстве, отметил, что в царских архивах Эдессы хранятся записи об этих событиях и ему был прислан перевод с сирийского языка на греческий, на основании чего он и ввел их в свою книгу. Мовсес же Хоренаци утверждает, что когда в Эдессе он собирал материалы для "Истории Армении", то в царских архивах сам видел записи историка I века — он называет имя: Лебубна, сын писца Апшадара, — где и прочел все то, о чем повествует. Оттого что Хоренаци имел дело не с переводом, а с оригиналом, рассказ его более подробный, содержит интересные детали. В одной из них — соль моего открытия. Когда я подошел к тому месту, где Хоренаци рассказывает о возвращении царского секретаря, я был неожиданно буквально потрясен одной-единственной фразой, которая при предыдущих прочтениях не останавливала моего внимания. Посланец привез не только ответ, но и портрет Христа, который Авгар с почтением поместил в своих покоях. И спустя 400 лет Хоренаци говорит, что портрет по-прежнему хранится в Эдессе.

— Так и начались ваши поиски? — Да. Мне захотелось пройти через века и посмотреть: а кто-нибудь еще этот портрет видел? Писал о нем? И своим поискам я начал с Лебубны. Согласно Хоренаци, Лебубна был придворным историком и придворным

архивистом и должен был все, что говорится перед лицом царя, записывать, оформлять и закладывать в царские архивы. Но существовал ли Лебубна на самом деле или его для пущей убедительности придумал Хоренаци? Последнее в истории встречается нередко, и я выяснил, что на протяжении многих веков так и думали те, кто вообще счел необходимым ознакомиться с трудом историка, писавшего на мало кому известном языке. Да что далеко ходить. Как-то я был в гостях у одного из крупнейших специалистов по сирийской литературе, бывшего президента Армении Левона Тер-Петросяна, с которым мы говорили не о политике, а на интересующую меня тему. Он тоже считает, что история с портретом — легенда, потому что, как он мне сказал, весь эпизод целиком взят Мовсесом Хоренаци у Евсевия Памфила. Это не так уже потому, что у Евсевия Кесарийского нет Лебубны, нет и упоминания о портрете. И вообще Хоренаци освещает эти события куда подробнее, чем Памфил.

— Но вы были убеждены, что Лебубна — реальное лицо?

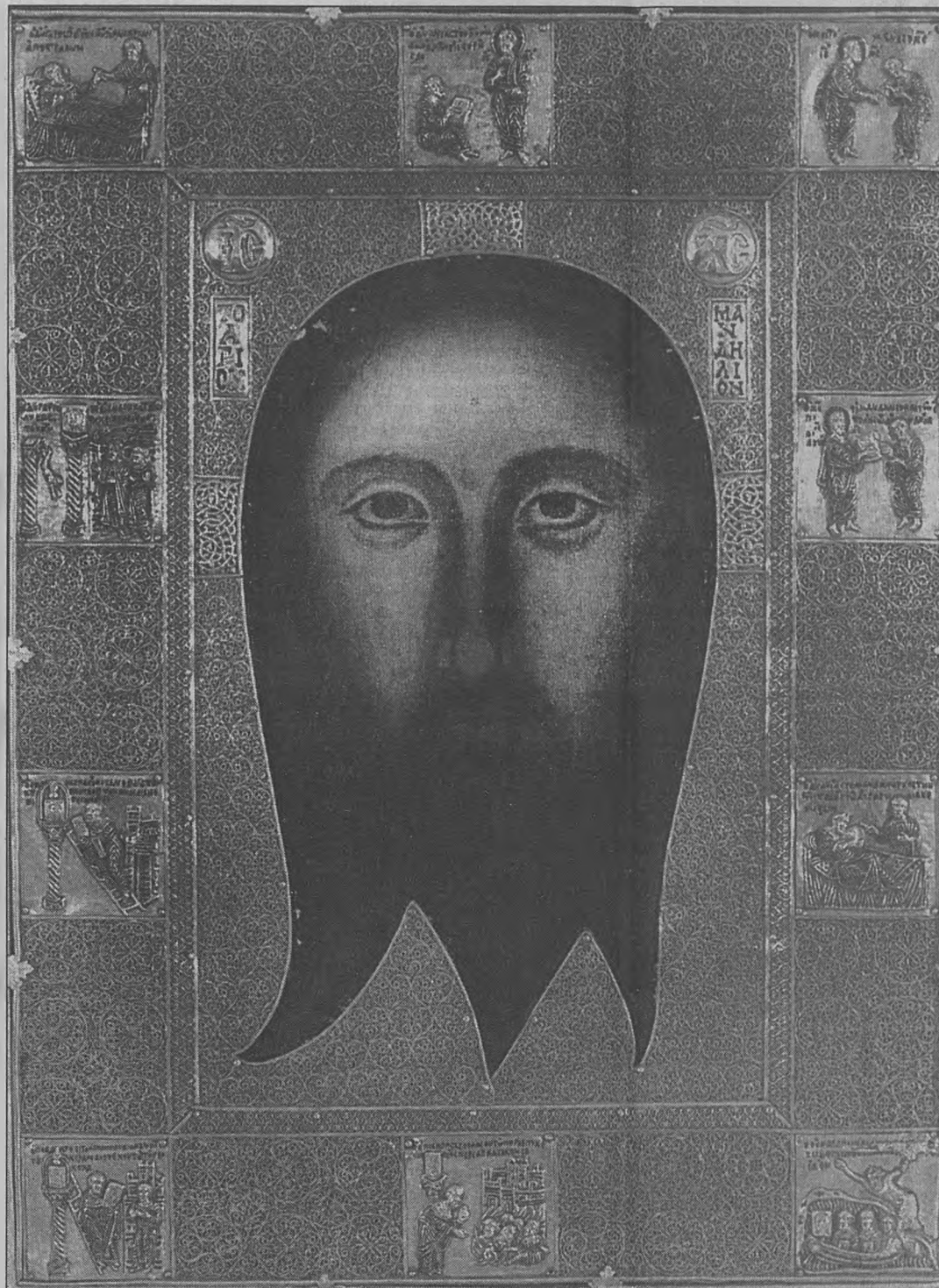
— В 60-е годы XIX века в поисках всякого рода раритетов и древностей в Египет приехал из Англии преподобный Тэттем. В одном бедном полуразрушенном сирийском монастыре в 80–90 километрах от Нила он обнаружил великолепную библиотеку, которую сначала попытался купить. Но монахи не захотели ее продавать. Тогда он подкупил мелкого местного шейха, снабжавшего монастырь едой и водой, и с его помощью организовал настоящую блокаду. Под угрозой голодной смерти преподобный выжимал из монахов книги и рукописи, и все-таки понадобилось несколько лет, чтобы заполучить всю

"Царь Авгар". Икона XV в. Монастырь св. Екатерины в Синае

библиотеку. Потом он продал ее Британскому музею. Сейчас так называемая Нитрийская коллекция является гордостью Англии, но она стала ею далеко не сразу. Около двадцати лет рукописями никто не занимался, пока специально для работы с ними один из служителей музея, преподаватель Кьюртон — крупный ученый, известный рядом исследований, не выучил древнесирийский язык. И когда начал разбираться в этой коллекции, пошла сенсация. Среди прочего там были найдены две рукописи Лебубны, Кьюртон соединил их вместе и опубликовал.

А вскоре были обнаружены еще два варианта рукописи Лебубны, в Париже на армянском языке и в Петербурге в Императорской библиотеке — на сирийском. Когда я ознакомился с этими тремя манускриптами, то понял, что самый древний и са-

мый полный из них — армянский. У Мовсеса Хоренаци, который бесспорно был человеком верующим, Авгар обращается в своем письме к Христу как к "Спасителю благу". В петербургском варианте рукописи Лебубны обращение такое: "великому целителю". А во французском — "искусному врачу". То есть чем раньше период, когда редактировался текст, тем ближе мы подходим к реальной переписке Авгара и Христа. Авгар обращался за помощью не к "Спасителю", а к лекарю.

Но самое главное, что меня поразило, — там, где у Хоренаци говорится просто: Анан вернулся с портретом Христа, в армянском, самом древнем, источнике сказано так: "Он написал портрет Христа многими красками с натуры, потому что был придворным художником".

— А кто этот художник, не говорится?

— Все тот же Анан, царский секретарь, который "по совместительству" был и художником царя.

— Но зачем Авгар сохранил портрет лекаря?

— Возможно, считал, что изображение обладает целебной силой. Ведь неслучайно во всех трех вариантах рукописи Лебубны есть фраза: "Ты лечишь не лекарствами и травами, а наложением рук и словом своим". Авгара действительно в конце концов вылечили. В сочинении Лебубны подробно описывается и пришествие в Эдессу апостола Фаддея, и исцеление им царя, и как вскоре после этого царь заставил креститься всех. Ведь Осроэна — первое христианское государство. А сейчас царская столица Эдесса — маленький провинциальный город Урфа на юго-востоке Турции.

— И что дальше произошло с портретом?

— А потом он стал Нерукотворным. В V–VI веках христианскому миру по ряду причин потребовались святыни.

И в разных местах стали обнаруживаться головы Иоанна Крестителя, кости разных святых. Разумеется, солидные ученые всеерьез относятся к подобным реликвиям, в частности и к Нерукотворному портрету Христа, не могут. Они говорят в подобных случаях, что это легенда. Потому как заявить, что это просто выдумка или фантазия, будет слишком грубо, а вот легенда, за которой, может быть, что-то таится... Однако мне подобное превращение портрета в святыню помогло очень сильно. Как и самой картине.

Интересно, что сначала в Эдессе с портретом Христа как с главной местной святыней вновь конкурировала его же письмо Авгару. В VI веке персидский шах Кавад осадил город, и жители для защиты вынесли на крепостные стены письмо Христа. И в результате сотворенных письмом чудес шах вынужден был обратиться к Христу. Спустя некоторое время уже сын Кавада Хосров во время завоевательного похода по Сирии специально свернул к Эдессе разоблачить с письмом Христа. Он хотел взять город и доказать, что все эти христианские реликвии — ерунда. Но и на сей раз ничего не вышло. Только Хосрову противостояло уже не письмо, а портрет, который и вынесли на стены.

К тому времени был благополучно забыт и Анан, и то, что он нарисовал портрет с натуры. Точнее, сначала забыли, что "с натуры", а потом и про самого художника. В первых вариантах легенды рассказывалось, как к Христу пришел художник — посланник царя Авгара, но лик Христа так сиял и менялся, что тот вынужден был отложить свои краски. Тогда Христос попросил дать ему воды, умылся и утерся тканью, и на ней остался его портрет, который и забрал с собой художник. По другой легенде, капли воды превратились в краски и отпечатались на холсте.

Затем про Анана окончательно забыли и считали, что это апостол Фаддей ходил с портретом. Потом возникла еще одна легенда, как апостол Фаддей шел к царю с холстом и, проходя мимо сирийского города Эдессы, сотворил еще одну святыню. Возле Эдессы, за чертой города, он остановился на ночлег и спрятал холст под черепицу. И среди ночи стража вдруг увидела на том месте огненный столп. Оказалось, что портрет, в свою очередь, отпечатался на черепице. Последнее изображение называли "керамьон" — тот же корень, что и у слова "керамика" (а первое — "мандильон", то есть "святая ткань"). И вот эта самая черепица стала святыней Эдессы. А когда византийцы захватили Эдессу, то император перенес вышеупомянутый "керамьон" в Константинополь.

Итак, поскольку портрет уже в Эдессе стал предметом всеобщего поклонения, то проследить его дальнейшую судьбу было нетрудно. И в V–VI веках впервые появляются упоминания о нем как о Нерукотворном. И все, кто бывал в Эдессе, непременно упоминали об этом полотне — и Ефрем Сирин, и Иоанн Дамаскин, и византийский историк Прокопий Кесарийский. Кстати, эдесский образ Христа послужил веским аргументом "за" в дискуссии о том, можно ли изображать Христа, Богоматерь и Апостолов.

Затем настало время, когда арабы начали теснить Византию. Византия лишилась Сирии, Палестины и Месопотамии. Но постепенно арабы ослабели, а византийцы настолько восстановили былую мощь, что в конце концов осадили Эдессу. К тому времени ею правили мусульманы, впрочем, весьма веротерпимые, и чтобы избавиться от противника, арабы предложили отдать портрет Христа, а византийцы должны были обязаться впредь никогда не осаждать город, освободить

большое количество знатных арабских пленников и заплатить изрядную сумму серебром. Что и выполнили безропотно.

Произошел торжественный внос портрета в Константинополь. День внесения образа Христа в Константинополь стал общехристианским праздником. Его сейчас празднуют и католики, и православные, и Армянская церковь. О самом событии мы много знаем благодаря сохранившемуся описанию этой церемонии императора Константина Порфирородного, который, кстати, пересказывает всю историю портрета с самого начала. Только он фигурирует у него как Спас Нерукотворный. Кстати, Константин Порфирородный был крестным отцом княгини Ольги, и после церемонии крещения ей — первой из русских — были показаны многие константинопольские святыни, в том числе и Спас Нерукотворный.

С тех пор на протяжении нескольких веков портрет в неприкосновенности хранился в дворцовой церкви — Святой Марии Фарос, а по торжественным случаям выносился в тронный зал. Даже крестоносцы, взявшие в 1204 году город и разорившие его так, что византийские императоры вынуждены были есть из пинной посуды, святыню не тронули.

В XIV веке появилась новая сила, несшая серьезную угрозу и портрету Христа, и самому Константинополю, — турки-османы. В борьбе с ними византийские императоры смогли опереться на помощь генуэзцев, которые к тому времени владели большими землями в самом Константинополе, кроме того, имели собственные интересы в Черном море. Командующему вооруженными силами Генуи Мольтадьо удалось отбить очередное наступление турок и таким образом еще на век предотвратить падение Константинополя. Он освободил ряд византийских городов и островов. В благодарность император подарил генуэзскому полководцу Спаса Нерукотворного. Император, конечно, имел в виду и то, что над святыней нависла реальная угроза, что надо сделать все, чтобы она не попала в руки неверных. На следующий год после возвращения Мольтадьо на родину в Генуе разразилась чума. Мольтадьо умер, и по его завещанию портрет Христа был передан в соседний католический монастырь, где и хранится до сих пор.

— Значит, здесь он в безопасности и пробыл все последние века?

— Не совсем так. Например, когда французский король Людовик XI начал свои итальянские войны, то один из его полководцев захотел преподнести королю этот портрет. Там была очень сложная и запутанная история с участием даже некоторых не очень честных каноников, и реликвию таки доставили Людовику. Но в Генуе началось форменное восстание, и король в конце концов вернул портрет. Потом его еще один раз выносили, при Наполеоне. Наполеон начинал свою карьеру как революционный генерал и поэтому боролся с церковью. Когда он пришел в Геную, то закрыл там все монастыри. Тогда портрет на время отдали в обычную, а не монастырскую церковь.

После этого по возвращении на место для него изготовили некое подобие сейфа. С тех пор реликвия достается лишь раз в году на три дня — в праздник Пятидесятницы, Сочельник Святого Духа на апостолов. Ее помещают в монастырской церкви, очень высоко, портрет закрыт стеклом, да не одним. Так что прихожане его практически не видят. В обычные же дни посетители могут видеть его достаточно точную копию.

Конечно, сказать, что это портрет Христа, каким он был на самом деле, со стопроцентной определенностью трудно, поскольку какие могут быть доказательства? Даже если бы на оборотной стороне стояло "Да, это я, Иисус Христос", сравнить было бы не с чем, у нас не сохранилось ни одной буквы, написанной его рукой. И все-таки я очень верю, что это портрет Христа.

Церковь, в которой хранится святыня, носит имя святого Варфоломея Армянского, который был одним из двух апостолов, проповедовавших христианство в Армении.

Беседу вел Павел НУЙКИН